

Амаль Керимов

Тени улыбки

Стихотворения

Амаль Керимов
Тени улыбки. Стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40940436

ISBN 9785448549984

Аннотация

Я же не знал, как жить. Блистают тени улыбки у зеркала, чтоб осудить свершенные мною ошибки. Их отражение – лесть. И я утопаю в море, где камни на дне царапают: «горе, горе...»

Содержание

Разговоры с Чайковским	5
«Ночь темна...»	7
«Не верю ни во что! Не верю я, не верю!..»	9
«Выйду за порог собственного дома...»	10
«Все было так: на тертом берегу...»	11
«Печальный урожай. Сгнивает клумба...»	12
«Душа принадлежать себе не может...»	14
В библиотеке	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Тени улыбки Стихотворения

Амаль Керимов

© Амаль Керимов, 2019

ISBN 978-5-4485-4998-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Разговоры с Чайковским

Скинь «Орлеанку» с нотной бичевальни,
сядь за рояль, как, собственно, Ильич,
исполни вальс его весьма «сентиментальный»
под грудой прожитых своих страниц.

И дотянув, едва ли, пусть до середины,
все извиваясь дрожью на стуле,
не восхваляй свои незримые седины,
что под игрою тихо выются на челе.

Не отвлекайся на бестактного соседа,
что гордо носит звание «жильца».
Исполни «Патетическую», как в отместку,
и верь, что смерть не знает твоего лица.

А если знает, притворись Чайковским,
из-за рояля встань и прямиком в портрет.
Она уйдет, забрав с собою шмотки,
тебе оставив копоть сигарет.

Так как рояль забрызган будет сажей,
возьми листок и досчитай до ста.
И жди, пока тебе сам Бог подскажет,
как на бумаге рифмой вылить Ильича.

Сомкни от шума в комнате все шторы.

Теперь: бумага, руки над пером,
тебя наводят на переговоры
с Чайковским, именно, Петром...

«Ночь темна...»

К.В

Ночь темна.
Как невзначай блуждает воздух.
Блится тень твоя из-за окна.
И пульс твой ощутимо полн.

Ты так близка. Рукам не дотянуться.
Едва ли мне сейчас вздохнуть.
Вскольхивает ветер чувства.
Я вновь боюсь без памяти уснуть.

Обменивают ласки наши взоры,
И разрывается на части грудь.
Целуешь ты неспешно и безмолвно,
Чего мне не забыть, уняв тоску.

Клубится музыка на издыханьи
По комнате, покрытой мглой.
В издержках чувств, о, дорогая,
Ты вслед уходишь за луной.

Так ощущал ли я твои объятья?
Пылала нестерпимо так душа?

Ты далека. И ночь измята.
Ложится на окно роса.

«Не верю ни во что! Не верю я, не верю!..»

Не верю ни во что! Не верю я, не верю!
Воспоминаний нет, как нет блаженных грез.
Я коротаю день житейскою манерой:
Хмельной резервуар и бесполезный плев.

Ни мертвых, ни живых! Мне нечего здесь слушать!
Утихло уж давно кольцо небесных лун.
И я не трепещу перед могилой душевной,
Как переливы сна – я не во тьму сойду.

Иди же прочь, иди, измученный, пугливый.
И памятью, мой друг, не стоит чтить меня.
Ты насмерть обречен кричать, что вечны ивы.
Не стоит ничего, язвительно хуля,

Мне чем-то стать, все тем же подражая листьям,
Иль птиц полетных быть узорчатым крылом.
Не верю ни во что! Не уповаю к жизни!
Я коротаю день, что смерть одну влечёт.

«Выйду за порог собственного дома...»

Выйду за порог собственного дома,
зачерпну в ладони мякоть декабря.
Вечная зима! Не просил я Бога,
чтобы на душе таяли снега.

Оттого и мне вьюга так любима,
оттого я сплю, и слышу за окном:
все сильней года, изморозью, мимо
не проходят и стяжаются пером.

Как бокал вина... Только бы не стоять
и успеть поймать жизни поцелуй.
И назначить ей ещё одно свиданье,
по другую сторону все тех же губ.

А пока я здесь, тенью у порога
все стою и чту пренарядных баб.
Взглянут на меня, юношу хладного?
Мне же все равно, их снесут ветра...

«Все было так: на тертом берегу...»

Все было так: на тертом берегу
О чем-то разговаривали двое.
Один из них нещадно резал слух:
«Нет ни богов, ни эдаких героев,
Есть только непрерывный труд.»
Второй иначе размышлял о роли,

Бесспорно, что даруется извне.
Он утверждал, при резком лунном свете:
«Труды рассеются, как ясный день,
Останется лишь суетливый ветер,
И горсть твоих иссушенных ногтей,
Чем если Богом будешь ты замечен.

Все будет так: герои шаги
Сольются в сердце, преподобно дюнам.»
И голос разговорщиков затих.
Один из них под тишину ночную
Ушел, оставив подле моря стих.
Второй же растворился тенью мутной.

«Печальный урожай. Сгнивает клумба...»

К.В

Печальный урожай. Сгнивает клумба.
Едва растут подлунные цветы.
Летают вороны. Из ниоткуда
Витает около могильный дым.

Но мне ли смерть грозится белой тенью
Своих едва отчаявшихся рук?
В ответ всегда янтарные сирени
Ключом из под завалов бьют.

И птичий гогот рьяно поперхнулся,
Услышав благодать твоих шагов.
Весь урожай затрепетал искусством
От запаха твоих льняных волос.

Шуршит неприхотливо, у забора,
Не возвращенная мною грусть-тоска.
Ах, если бы, ах, если бы дорога
Всегда вела тебя к моим глазам.

Тогда б открытой белоснежной раной

Зажглись едва растущие цветы.

Тогда бы вороны, сквозь дым туманный,

Вспорхнули к звездам и обняли сны.

«Душа принадлежать себе не может...»

Душа принадлежать себе не может,
поскольку след свой может потерять.
Дорога, нам оставленная Богом,
засыпана снегами декабря.

На каждом повороте зимний ветер
несдержанно проводит ритуал,
и лучшее он шепчет человеку:
«Душа должна быть вечно влюблена.»

В библиотеке

Минуя день, по вечерам,
В библиотеке челядь бродит.
Срывает с полок милых дам:
Ахматову, Бронте и Коле.

Чуть слышен их летучий визг.
И, видно, дамская порука —
Развеять в пыль свой верный стих,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.